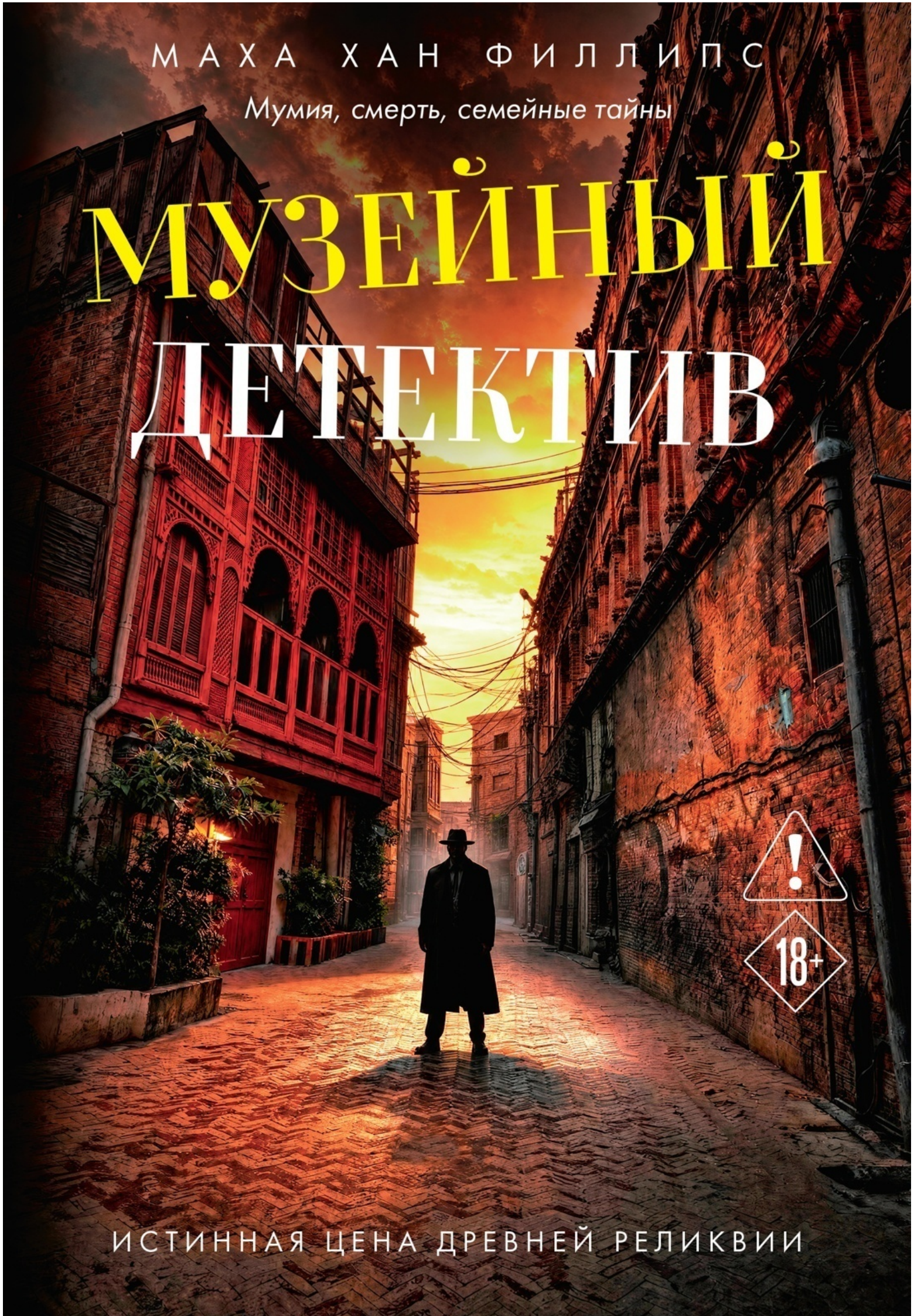

МАХА ХАН ФИЛЛИПС
Мумия, смерть, семейные тайны
МУЗЕЙНЫЙ ДЕТЕКТИВ
18+
ИСТИННАЯ ЦЕНА ДРЕВНЕЙ РЕЛИКВИИ

Высокое напряжение

Маха Хан Филлипс

Музейный детектив

«Азбука»
2025

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Филлипс М.

Музейный детектив / М. Филлипс — «Азбука», 2025 — (Высокое напряжение)

ISBN 978-5-389-35566-8

История, вдохновленная реальными событиями вокруг найденной мумии персидской принцессы, где древние легенды оживают на улицах Карачи, а цена правды может быть слишком высока. Звонок из полиции посреди ночи всколыхнул в душе Гуль Делани надежду, что ее племянницу Махназ, пропавшую три года назад, наконец нашли. Но вместо желанных новостей она узнала об обнаруженной в пещерах Белуджистана, Западный Пакистан, древней мумии, тайну которой под силу разгадать только ей. Как археолог, специализирующийся на истории древних цивилизаций, Гуль взялась за исследование, обещавшее стать грандиозным научным открытием. Но чем дальше она углублялась в поиски, тем больше вопросов и опасностей появлялось на ее пути: неуловимая мафия, желающая вернуть ценную реликвию во что бы то ни стало, завистливые коллеги, мечтающие о славе, семейные секреты, которые невозможно больше скрывать. И тоненькая нить, связывающая все происходящее с исчезновением Махназ.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-35566-8

© Филлипс М., 2025
© Азбука, 2025

Содержание

Маха Хан Филлипс 5
Глава 1 6
Глава 2 11
Глава 3 15
Конец ознакомительного фрагмента. 23

Маха Хан Филлипс
Музейный детектив

Maha Khan Phillips
THE MUSEUM DETECTIVE

Настоящее издание опубликовано с согласия PEW Literary Agency Limited и Литературного агентства Синопсис

Copyright © Maha Khan Phillips, 2025
© Школа перевода Баканова, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

* * *

Посвящается Дэймиану Филлипсу,
Тие Нун и Фахаду Хану

Глава 1

Когда раздался звонок, Гуль снилась Махназ.

Распахнув глаза, она пошарила рукой и нащупала телефон на прикроватной тумбочке.

– Махназ?

– Я говорю с Гульфсой Делани? – донесся мужской голос. Он то приближался, то отдалялся, словно звук уносил ветер.

– Да. Кто это?

Гуль покосилась на часы. 3:06.

– Вам звонит заместитель суперинтенданта полиции Фархан Ахтар, отделение «Джексон» в Киамари. Извините за поздний звонок, мадам.

Ага, наконец-то. Она сжала трубку так, что побелели костяшки пальцев.

– Вы нашли ее?

– Да. Только мы не уверены, чья она. Как давно она пропала?

– Три года назад. Мы три года ничего о ней не слышали. Она жива?

Пауза.

– Не понимаю, мадам, почему вы задаете такой вопрос.

Еще не до конца проснувшись, Гуль приподнялась на постели, стараясь сосредоточиться.

– Что может быть важнее этого вопроса, господин заместитель суперинтенданта? Вы же сами сказали, что нашли мою племянницу.

Полицейский кашлянул.

– Прошу прощения, мадам. Я ничего не знаю о вашей племяннице. Мой звонок по другому поводу.

– Вот как? – Гуль сглотнула ком в горле. Что, черт возьми, происходит?

– Во время расследования дела о наркотиках этой ночью мы кое-что обнаружили. Нам нужна ваша экспертная оценка. Вы могли бы приехать?

Гуль спустила ноги на пол и включила прикроватную лампу.

– Заместитель суперинтенданта…

– Для вас – Ахтар, мадам. ЗСП Ахтар.

– ЗСП Ахтар, это какая-то ошибка. Я не разбираюсь в наркотиках.

– Мне это известно, мадам.

– Я куратор музея истории и культурного наследия.

– Да, я в курсе.

Она покачала головой. Почему полицейский звонит ей?

– Весь последний месяц я раскапывала форт эпохи Сасанидов в дельте Инда. Если только ваши наркотики не лежали на дне мангровых болот, то я не представляю, чем могу помочь.

– Я знаю, чем вы занимаетесь.

– Тем более странно.

Волна адреналина схлынула, сменилась разочарованием, оставив в душе саднящую рану. Звонили не по поводу Махназ. Конечно, лучше никаких новостей, чем плохие новости, но все же…

– Мне трудно объяснить причину вызова по телефону, – продолжил ЗСП Ахтар. Гуль услышала, как он кому-то отдает отрывистые распоряжения. – Если подтвердите свой адрес, за вами приедет мой человек. Место отдаленное, поэтому возьмите с собой все необходимое.

Гуль прижала пальцы к переносице. В голове начинала пульсировать боль. Вся ситуация выглядела чрезвычайно странно.

– Вы говорили, что ваш участок в Киамари? Я живу в Бат-Айленде. Отсюда до отделения около двадцати минут на машине. Если ехать по скоростной дороге, и того меньше.

– Я звоню не из Киамари, мадам. Прошу вас захватить личные вещи – придется задержаться. Думаю, вы не пожалеете. Находка… уникальна.

Гуль попыталась расспросить его, но полицейский явно не собирался раскрывать подробности. Какие вещи брать с собой, если она даже не знает, с чем связан звонок? Гуль решительно отогнала мысли о Махназ и постаралась сосредоточиться.

Вставая с кровати, она прикинула, не позвонить ли директору музея Рахиму Радже, и решила, что не стоит. Если он в курсе, спихнет ответственность на нее, а если нет, ему все равно доложат после ее отъезда и у него не будет повода обругать ее за то, что она разбудила начальство ни свет ни заря, не имея на руках нужной информации. Археолог на мгновение прикрыла глаза. Всему всегда существует логичное объяснение. Гуль Делани твердо в это верила.

Полиция не стала бы звать просто так, не имея весомой причины. Что они там обнаружили? Украденные артефакты? Или наткнулись на древнее захоронение? Но зачем будить посреди ночи? На этом вопросе воображение отказывало.

Профессиональное любопытство взяло верх. Она продиктовала ЗСП Ахтару адрес и повесила трубку.

Быстро заскочив в душ, Гуль через пару минут вышла, скручивая непослушные вьющиеся волосы в неряшливый узел, и остановилась перед шкафом. Обычный наряд для раскопок состоял из пары удобных брюк из хлопка, свободной рубахи с длинными рукавами и определенно немодной ярко-оранжевой банданы, окрашенной в узелковой технике, которую она купила в Катманду в начале 2000-х. Однако сегодня Гуль понятия не имела ни о том, что ее ожидает, ни о том, с кем придется встречаться. С полицией всегда так: набегут и будут мешаться под ногами всякие чиновники и журналисты. Лучше выбрать самый надежный вариант – шалвар-камиз[1] оливкового цвета из ткани хади и белую вышитую дупатту[2]. Удобно для работы и подходит почти к любому случаю, а цветовая патриотичная гамма под стать национальному флагу понравится любому чиновному.

Гуль налила себе чашку чая и разыскала пластиковые очки в толстой оправе, которые надевала во время расчистки. Она решила взять с собой все археологические инструменты, оставленные с прошлого уик-энда в квартире, а не в офисе, – кирки, мастерки, веревки, маркеры, лэптоп и видавшее виды походное снаряжение. Последнее дома хранилось всегда.

Приготовления заняли не больше нескольких минут. Окончательно проснувшись, Гуль почувствовала себя бодрой и энергичной. Когда на дорожке перед домом остановился джип с включенной мигалкой, она уже ждала внизу, немного морщась при мысли о том, что подумают соседи. В доме было три квартиры. Ворчливый мистер Дада, обосновавшийся здесь еще пятьдесят лет назад, терпеть не мог шум. Настоящий любитель шпионить за соседями, только подглядывать приходилось не из-за кружевной шторы, а сквозь типичную для Карачи металлическую решетку. Мистер Дада, овдовев и потеряв веру в своих детей, резко осуждал приезды и отъезды Гуль, происходившие в любое время суток. Он частенько неодобрительно цокал языком по поводу ее «раскопок» – это слово мистер Дада всегда произносил с отвращением, словно речь шла о проституции, ремесле, которое он от всей души презирал.

Мало того что ей приходилось терпеть дураков, больше всего ее бесила необходимость терпеть дураков самодовольных. Как-то раз, услышав от соседа разглагольствования насчет слухов об открывшемся в их районе подпольном борделе, Гуль мило улыбнулась и сказала:

– Как вы знаете, проституция – самая древняя профессия. Историки и археологи многим ей обязаны. У вас, случайно, нет адреса борделя? Может, стоит туда заглянуть и собрать их устные предания?

---

[1] Комплект из брюк (шалвар) и свободной длинной рубашки (камиз), типичная одежда для Пакистана, которую носят и мужчины, и женщины. – Здесь и далее прим. пер.

[2] Традиционный женский шарф-платок.

Будь мистер Дада кисейной барышней, он упал бы в обморок. Вместо этого он схватился за свой тавиз[3], испепелил ее взглядом и что-то пробормотал сквозь зубы. Гуль улыбалась всякий раз, вспоминая эту сцену.

Полицейский распахнул перед ней дверцу джипа, Гуль кивнула в знак благодарности. Сев в машину, она отправила сообщение миссис Фернандес о вызове. Гуль не знала, сколько времени займет поездка, а с утра в музее было намечено несколько встреч для обсуждения бюджета. После обеда – экскурсия для детей-беспризорников из приюта и визит сотрудников Национального архива. Миссис Фернандес отвечала за то, чтобы в отсутствие Гуль не возникало никаких заминок.

В ранний утренний час на дорогах машин было мало, и водитель мог бы не включать сирену, но он все равно ее включил. Машина неслась по сверкающим огнями в утренних сумерках улицам Карачи. Гуль воспользовалась моментом, чтобы окончательно прогнать все мысли о Махназ, однако сначала коротко помолилась богам – всем сразу: Амону-Ра, Вишну, Зевсу, Тлалоку, Идзанами, Пеле. Она призвала всех богов помочь ей независимо от вер и культур. Пусть Махназ окажется ни при чем. Если новости плохие, пусть они будут о другом. Временами появлялась надежда, но Гуль уже привыкла проглатывать застрявшее в горле разочарование, когда рассыпалась в прах очередная «зацепка» или потенциальный «сигнал общественности». А сейчас она сидела в полицейском внедорожнике и мчалась навстречу неизвестности. Ничего себе начало дня. Хоть бы находка оказалась стоящей.

ЗСП Ахтар не соврал: дорога оказалась длинной, намного длиннее, чем, вопреки предупреждению, думала Гуль. К ее удивлению, когда солнце выползло из-за горизонта, они остановились перед военным КПП на границе провинций Синд и Белуджистан. Полицейский, представившийся как констебль Шах, взглянул на нее в зеркало заднего вида и, наверное, истолковал ее удивление по-своему.

– Не волнуйтесь, мадам. Я вооружен. За КПП к нам присоединится машина сопровождения. Все под контролем.

Гуль изобразила улыбку и отвернулась к окну. Значит, Белуджистан. Неспокойный район. Без серьезной причины сюда не ездят. Внутри шевельнулась тревога. Ей не разрешали производить официальные раскопки в Белуджистане – слишком много возни с полицией и бюрократией, слишком часто происходили похищения людей и столкновения. И вот представился шанс спокойно полюбоваться красотами незнакомого ландшафта. Восходящее солнце рассыпало по безбрежному горизонту оранжевые и лиловые оттенки. Через несколько минут по обе стороны дороги выросли гигантские песчаные плато, чей облик не менялся с доисторических времен. Своими зазубренными, острыми как бритва краями они походили то на крепостные стены, то на челюсти динозавров. Неземной, почти марсианский пейзаж.

Проехав еще два с половиной часа, констебль Шах свернул с N-10 в сторону пустыни, которую время и многолетние конфликты обрекли на забвение. Они проехали мимо трех грязевых вулканов. Гуль захотелось выйти и постоять рядом; впрочем, момент быстро прошел. Потом слежавшийся песок сменился более рыхлой почвой, кочующими дюнами, кустами акации, на горизонте засверкало Аравийское море. Гуль выпрямилась. В отличие от пляжей Карачи, здешний берег выглядел нетронутым. Ни уличных торговцев, ни куч мусора, ни гонимых ветром целлофановых пакетов. Над пляжем нависли утесы и скальные образования.

Гуль поняла, что они прибыли на место, увидев несколько полицейских фургонов и машину скорой помощи, нарушающие покой идеальной экосистемы. Они остановились за другими автомобилями, Гуль выпрыгнула из джипа, и из-под ног в разные стороны брызнула стайка раков-отшельников. До одного из крупнейших в мире городов всего несколько часов пути, а глушь такая, что невозможно поверить.

---

[3] Мусульманский амулет с выдержками из Корана.

Констебль Шах захлопнул дверцу водителя и поманил археолога за собой. С первого же шага в лицо, словно жар из топки, пыхнул зной. Лето было в разгаре, но даже для этого сезона жара стояла невообразимая. Несмотря на морской бриз, кожа быстро покрывалась липким по́том.

Увидев, как по пляжу везут две каталки с телами, накрытыми белыми простынями, Гуль остановилась и вытерла катившуюся по щеке струйку пота. Что, черт возьми, здесь произошло? Она заметила, что скалы впереди изрыты узкими пещерами. Из одной вышел фельдшер скорой помощи, толкавший перед собой третью каталку. На ней лежал полицейский в форме. На его туловище запеклось огромное количество крови, она капала, стекая по опущенной руке, на песок цвета терракоты. Задев левой ступней камень, Гуль чуть не упала.

Из пещеры с озабоченным видом вышел еще один полицейский.

– Миссис Делани?

Гуль привыкла к тому, что люди неправильно определяют ее семейное положение.

– Вообще-то, доктор Делани.

Полицейский кивнул.

– ЗСП Ахтар. Спасибо, что приехали.

– Что здесь происходит, господин заместитель суперинтенданта?

Полисмен был среднего роста и ничем не выделялся бы среди мужчин его возраста и веса, если бы не странное родимое пятно на лбу. Оно имело форму вопросительного знака – своеобразной метки человека, желающего много знать. Ну что ж, работа у него как раз подходящая, подумала Гуль.

– Похоже, у вас выдалась беспокойная ночь, – промолвила она, указав на пещеры. – Что там?

– Полиция провинций Синд и Белуджистан провела совместную операцию по задержанию наркоторговцев. Полицейское отделение «Джексон» получило информацию, что здешние пещеры служат перевалочным пунктом для контрабанды героина. Началась перестрелка. Преступники убиты, несколько моих людей получили тяжелые ранения. Мы изъяли примерно двести пятьдесят килограммов героина.

– Ничего себе!

У полицейского под глазами залегли черные круги. Он явно сильно устал.

– Да. Хороший улов. Но мы обнаружили кое-что еще. Именно поэтому я вас позвал. Надо поторопиться: скоро прилив, вход в пещеру затопит до вечера.

Гуль прошла за полицейским, пытаясь охватить разумом все увиденное: снующих силовиков, трупы, красный потек на скале, узкий вход, заставлявший кое-где протискиваться боком, и, наконец, просторную пещеру, полную сверкающих сталактитов. Она глубоко вздохнула.

– Я хочу повторить: я не эксперт по наркотикам. Это не моя епархия.

Ахтар кивнул.

– Вы ведь египтолог, верно? Так, по крайней мере, написано в вашей биографической справке на веб-сайте музея.

– Верно.

Что, черт возьми, могло понадобиться полиции от египтолога?

– И вы несколько лет провели в Каире?

– Да, защитила там докторскую диссертацию и до возвращения в Карачи несколько лет вела полевые работы. Хотя, как вы, наверное, понимаете, в Пакистане спрос на египтологов небольшой.

Полицейский помрачнел.

– Теперь, вероятно, станет выше.

Он указал на выступ в самом темном углу пещеры и осветил его фонариком.

Гуль посмотрела туда, куда упал луч. От увиденного у нее перехватило дыхание.

Глава 2

Археолог подошла к выступу. Он был примерно на одном уровне с грудью невысокой Гуль. Она подтянулась и взобралась на выступ, отряхнула песок с коленей и взяла протянутый фонарик. Нацепив очки, присмотрелась повнимательнее.

Неужели не мерещится?..

Перед ней лежал богато украшенный, резной деревянный саркофаг. Пару раз моргнув, она попыталась охватить его одним взглядом. Вот это да, столько интересного! Гроб покрывали надписи – разновидность клинописи. Гуль была не сильна по части клинописи, к тому же в тусклом свете фонарика надписи читались с большим трудом. Если они действительно нанесены клинописью, значит, саркофагу не меньше полутора тысяч лет, а вероятно, намного больше. На боках вырезаны рельефы деревьев и цветочные узоры. Гуль могла поклясться, что где-то их уже видела. Сердце застучало от возбуждения. Заманчиво. Очень-очень заманчиво.

Взгляд скользнул к середине гроба. Наружный защитный слой из камня или алебастра тоже был испещрен значками клинописи. Покрытие раскололось на три части. Гуль охотно любовалась бы клинописью дольше, хотя и не умела ее читать, однако времени было в обрез. ЗСП Ахтар стоял рядом и уже вынимал куски покрытия из гроба, чтобы показать ей то, что лежало внутри.

В голове археолога загудела сирена. Мумия! В пещере как ни в чем не бывало лежала самая настоящая мумия, при виде которой замирало сердце, перехватывало дыхание и продирал мороз по коже. Она была прекрасна в том извращенном смысле, в каком мумии могут одновременно выглядеть великолепно и зловеще. Тело было завернуто в пропитанную какой-то смолой ткань, превратившуюся в твердый кокон янтарного цвета. Покров облегал тело женщины – а это была определенно женщина – наподобие савана. На скрещенных руках мумии лежал чеканный золотой нагрудник, на лице – словно запекшаяся золотая маска, повторяющая каждый его изгиб, каждую мелкую черту. И в довершение всего – золотая корона с вырезанными семью – да, Гуль не ошиблась в подсчете – семью кипарисами. С ума сойти! Блестящая находка. Вот только не подделка ли?

– Она настоящая? – спросил ЗСП Ахтар, выразив вслух ее сомнения.

– Пока трудно определить.

Гуль заставила себя сосредоточиться, сделала глубокий вдох и выдох. Да, пахнет плесенью. Возможно, мумия немного попорчена, однако запаха гниения не чувствуется. Скорее всего, внутренние органы удалены. И она точно не новая. По крайней мере, ее подвергли консервации не год назад. Но как такое возможно? Только египтяне удаляли у покойников внутренности, а труп совершенно очевидно не принадлежал египтянке. И как, черт возьми, мумия очутилась в логове контрабандистов?

– Она здешняя, из Пакистана? – спросил Ахтар.

– Нет, – ответила Гуль. – Ее могли похоронить здесь, хотя сама она не отсюда.

Археолог нагнулась и рассмотрела нагрудник, одновременно засовывая руку в свой мешок, чтобы достать перчатки и кисточку для смахивания пыли.

– Наши религиозные традиции не поддерживают идею мумифицирования. Ислам, индуизм, зороастризм – ни одна из этих религий не одобряет превращение покойников в мумии. Да и надписи сделаны клинописью.

– Клинописью?

– Так называют логографически-слоговое письмо, которое использовалось многими древними цивилизациями – в Шумере, Месопотамии, Древней Персии.

– То есть она определенно не из Пакистана?

– Скорее всего. Хотя полностью исключить этого нельзя. Может статься, она древнее всех наших религий. Считается, что зороастризм произошел от общей индоиранской системы верований в начале второго тысячелетия до нашей эры, однако я допускаю влияние и других малоизвестных факторов. Впрочем, в это верится с трудом. Вы можете дать мне несколько минут, чтобы осмотреть ее получше?

ЗСП Ахтар кивнул и отступил в сторону.

– Разумеется. Прошу вас.

Гуль села на корточки рядом с саркофагом и, светя фонариком, постаралась рассмотреть как можно больше. Некоторые резные рельефы сильно пострадали, другие полностью сохранились. Куски алебастрового покрытия и нагрудник мумии были покрыты грязью и читались с трудом. Их предстояло как следует очистить.

Через некоторое время Гуль выпрямилась и сняла перчатки.

– Тело, похоже, принадлежит кому-то из рода Ахеменидов. Боюсь, империя Ахеменидов не совсем мой профиль, но кое-что я могу сказать. Кипарисы и розетки характерны для города Персеполь. Видите эту большую резную розетку? Рядом с ней символ бога Ахурамазды. Вам в руки попала персидская, а не египетская мумия. Более того, судя по короне, это, по-видимому, особа из царской семьи.

– Персидская?

– Да.

– А разве у древних персов были мумии?

Гуль вернула фонарик.

– Гипотеза о том, что персы унаследовали систему вероисповедания древних египтян, выдвигалась и раньше. Однако конкретных доказательств никто не предоставил. Это первая персидская мумия, которую мне довелось увидеть.

ЗСП Ахтар, не мигая, уставился на археолога в полутьме пещеры.

– Значит, она дорого стоит.

– Настоящая – очень дорого. Если древние персы мумифицировали своих покойников, а мы об этом до сих пор ничего не знали, то ей нет цены.

– Осторожнее, – предупредил полицейский, указывая на лужу крови, в которую чуть не наступила археолог. Она только сейчас заметила кровавые брызги на самом саркофаге и быстро отшатнулась. На минуту Гуль забыла, что находится на месте преступления.

– Здесь застрелили одного из контрабандистов. Он дрался, как черт, не подпуская нас к мумии. Похоже, оберегал ее пуще героина. Почему, не знаете?

– Боюсь, что нет.

– Сколько она может стоить?

Гуль прочистила горло.

– Невозможно сказать точно. Миллионы. Опять же, если это не подделка. Повторяю, до сих пор не обнаружено никаких свидетельств того, что Ахемениды мумифицировали своих усопших. Так что эта находка – большая загадка.

ЗСП Ахтар скрестил руки на груди.

– Тогда как она здесь оказалась?

Гуль покачала головой.

– Господин заместитель суперинтенданта, я даже не знаю, что вы имеете в виду, говоря «здесь». Операцию по борьбе с наркотиками проводили вы. Без контекста я ничем не могу вам помочь.

Полисмен помолчал, задумчиво глядя на нее. В полумраке мелькали лучи света – другие полицейские, светя фонариками, осматривали пещеру. Наконец, ЗСП Ахтар нарушил молчание:

– Мы преследовали одного белуджского наркобарона, он постоянно от нас ускользает. Нам известно только его прозвище – Сая.

– Сая? То есть «тень»?

– Да. Его настоящую личность так и не удалось установить.

– Во всяком случае, он не очень оригинален.

– Извините?..

– Тень. Не очень удачная кличка, вы не находите? Какая-то нестрашная.

– Преступники зачастую не отличаются богатым воображением.

– Вот как? – Гуль приподняла бровь. – Я-то считала это частью их профессионального резюме. Этот Сая, случайно, не приторговывает антиквариатом?

– До сих пор, насколько нам известно, такого за ним не водилось. Сексуальным рабством он тоже занимался, но его главный интерес – наркоторговля. – ЗСП Ах-тар потер щетину на щеке. – Мы думали, что накрыли его на этот раз, а он опять удрал. Самого Саи мы не застали – только кое-кого из его людей. К сожалению, в живых, чтобы их допросить, никого не осталось. Зачем ему держать мумию в таком месте? Гроб, каменная крышка, тело, – все это прилично весит, перевозить такую тяжесть наверняка было неудобно. – Полисмен запустил пятерню в волосы. – Героин, если продать его на международном рынке, принес бы доход в тридцать пять миллионов долларов. На кой черт ему сдалась покойница?

– Откуда мне знать. Могу лишь предположить, что ее он тоже хотел продать на черном рынке и получил бы солидный куш. Контрабанда древностей цветет пышным цветом, хотя должна признаться, что я ничего подобного раньше не видела.

– Теперь вы понимаете, почему мы решили, что ее могли украсть из музея?

– Да, понимаю. Однако она не из нашего музея. Что дальше?

– Дальше?

– Что вы с ней собираетесь делать?

Он пожал плечами.

– Мумия – улика в деле о наркоторговле. Мы осмотрим ее и доставим в хранилище.

Гуль выпрямилась.

– Нельзя!

– Что вы имеете в виду?

– Кем бы ни была эта женщина, древней или не очень, в саркофаге лежит мертвое тело, оно хрупкое, а жара сейчас стоит жуткая. Несмотря на различные методики консервации, мумии легко разрушаются. Если их выкопать и подвергнуть воздействию внешних факторов, возникают химические процессы, запускающие процесс разложения. У вас на руках останется кусок липкой массы.

Ей вдруг пришла в голову мысль, что торговец наркотиками мог рассуждать точно так же.

– Возможно, Сая оставил мумию в этой пещере, полагая, что она сохранится дольше, ведь здесь прохладно и темно. Точно так же поступали в викторианской Англии в период египтомании. Похищенные мумии привозили в Англию и снова закапывали в землю до той поры, когда их можно будет представить на всеобщее обозрение – нередко во время публичных мероприятий. Мумии постепенно разворачивали, показывая их во всем жутком великолепии, в то время как зрители наблюдали представление с бокалом вина и канапе в руках.

Полицейский фыркнул.

– Сомневаюсь, что Сая собирался ее кому-то показывать.

– Я тоже. Однако он мог решить, что в пещере она будет в большей сохранности.

– Мумия, похоже, представляет для них большую ценность. Возможно, даже бóльшую, чем героин. И мне нужно установить почему. По какой причине бандиты не щадили ради нее своей жизни? Может быть, она стоит больше тридцати пяти миллионов долларов?

– Позвольте мне забрать ее, и я смогу назвать более точную цифру. В пакистанских музеях нет витрин без доступа кислорода, а ей, чтобы не развалиться, нужна именно такая витрина. Моя команда сумеет организовать герметичное хранилище, наполненное инертным газом, чтобы предотвратить дальнейший химический и биологический распад.

– Это невозможно, мадам. Мумия – объект полицейского расследования.

– Если будет установлено, что она настоящая, то по закону о древностях она является собственностью государства, не так ли?

Гуль не собиралась отступать. Шанс поработать с персидской мумией выпадает раз в жизни и слишком ценен, чтобы оставлять ее в руках неуклюжих полицейских. К находке отнесутся без уважения, без интеллектуального любопытства и не смогут оградить ее от повреждения. Полиции невдомек, что само существование такой мумии в корне меняет представление о прошлом. Да и откуда им это знать? Нет, Гуль не собиралась сдавать позиции без боя.

– Я проработала с мумиями бóльшую часть моей карьеры, – продолжала она. – Никто не обеспечит ее сохранность лучше меня. К тому же я лучше всех могу установить причину происходящего. Вам ведь хочется узнать, почему заядлый наркоторговец, несмотря на все неудобства, решил переключиться на контрабанду древними мумиями? А я хочу понять, насколько наши представления об истории расходятся с реальным положением дел. Если мне дадут возможность как следует ее изучить, я смогла бы ответить на оба вопроса.

ЗСП Ахтар сжал зубы и неохотно кивнул.

– Сегодня саркофаг перевезут в отделение «Джексон» и снимут отпечатки пальцев.

– Но…

Он вскинул ладонь.

– Завтра, если разрешит начальство, вы сможете перевезти гроб в музей.

Гуль наклонила голову в знак согласия.

– Ладно, идет.

– Вас будет сопровождать наряд полиции. Мы с нее глаз не спустим.

Гуль меньше всего хотелось, чтобы под ногами вертелась и мешала исследованиям орава невежественных полицейских.

– Можете не беспокоиться, господин заместитель суперинтенданта. Мы относимся к своей работе серьезно и не повредим вашу улику.

– Вы меня не так поняли, мадам. Сопровождение требуется не мумии.

– Вот как?

– Если она действительно так ценна и Сая попытается ее вернуть, полиция должна охранять вас, а не мумию.

Глава 3

К тому часу, когда Гуль вернулась домой, уже сгустились сумерки. Она устала, измучилась от жары и проголодалась. За исключением непродолжительного осмотра находки археолог почти все время проторчала в машине.

Гуль поблагодарила констебля Шаха, доставившего ее домой, помахала хмурившемуся за окном мистеру Даде, вошла в жилой комплекс через боковую дверь и поднялась по лестнице, перескакивая через две ступеньки, на третий этаж. Дом в Бат-Айленд, в котором жила Гуль, разваливался, правда, самым картинным образом: вьющиеся сорняки, словно благородный плющ, ползли из множества щелей и трещин, разросшаяся бугенвиллея низвергалась с крыши розовым водопадом. От жары почти все другие растения погибли. Смысла тратить деньги на нелегальные цистерны с водой ради спасения сада не было. И все-таки во дворе царил чудесный уют: в саду росли две бенгальские смоковницы – баньяны, старая вывеска с надписью «Вилла „Кисмет“» на половинке входной двери вечно висела криво, сколько бы ее ни поправляли. Современность никогда не привлекала Гуль, и ее жилище больше всего напоминало старинные здания Карачи. Квартира нравилась ей, несмотря на то что трубы забивались чуть ли не каждую неделю и сантехнику Шакиру постоянно приходилось приплачивать сверху.

Квартира № 3 виллы «Кисмет» раньше принадлежала деду и бабке Гуль с материнской стороны. Они переселились в Карачи из Джамнагара во время раздела Индии и привезли с собой массу историй и эмоций, не дававших их душам покоя, хотя они никогда не рассказывали о пережитом. В те времена Бат-Айленд был еще островом. Район нравился англичанам, они построили прекрасные, просторные дома в практически нетронутом месте, кишевшем фламинго и зимородками, почти безлюдном. В 1950-х годах были запущены проекты осушения земель, и остров Бат, до которого можно было добраться только на лодке, стал полуостровом, связанным с большой землей. Бабушка рассказывала, что и тогда район был отрезан от остального города и даже от Клиф-тона, потому что мост во время приливов часто уходил под воду. Дедушка с бабушкой гуляли по берегу и собирали перламутровые раковины, банку с которыми Гуль до сих пор держала у себя в спальне.

Разумеется, сегодня Бат-Айленд не узнать. Район превратился в такие же бетонные джунгли, как и весь город, старые дома посносили и заменили их безликими высотками, улицы забиты транспортом настолько, что уличные торговцы перестали приезжать сюда по утрам со своими тележками и крикливо предлагать свежие фрукты, моющие средства и другие товары. Деревья, некогда стоявшие вдоль широких авеню, словно огромные часовые, срубили, чайки больше не налетали, чтобы схватить с протянутой ладони кусочки пакоры[4]. Чувство оторванности от мира улетучилось без следа.

И все-таки Гуль любила это место. Ее семья проводила здесь много неторопливых дней во время школьных каникул, когда она была еще ребенком. Каждый день после обеда маленькая Гуль лазала с соседскими детьми на смоковницы. Она всегда первой взбиралась на вершину и спускалась последней. Плотная листва и толстые, длинные лианы словно перекочевали во двор из сказки. Естественно, ей постоянно внушали, что девочкам нельзя лазать по деревьям, и это было жутко несправедливо, ведь ее брат Билал постоянно на них взбирался. Хотя брат был на шесть лет старше ее, Гуль всегда его обгоняла.

Билал. Опять поднялась застарелая горечь, и Гуль ее подавила. Она помирилась с Билалом через год после исчезновения Махназ, которой во время трагедии было пятнадцать лет, но отношения с братом так и не наладились. Гуль прикрыла глаза. Нет смысла думать сейчас о Билале, – как, впрочем, и о Махназ.

---

[4] Кусочки овощей, фруктов, сыра или мяса, обжаренные во фритюре в пряном кляре.

В квартире стояла прохлада. Старые кафельные полы и потолочные вентиляторы прекрасно защищали от зноя. Гуль повесила ключи на зуб крокодильего черепа, прибитого к стене рядом с дверью, и бросила сумку на то место, где в коридоре лежал обломок китового уса, которым она иногда пользовалась как ограничителем двери, да еще дюжина покрывшихся пылью книг – подарок пожилого господина из Парси Колони, историка по имени мистер Давар. Как всегда, при виде книг она ощутила укол совести. Их полагалось разобрать еще полгода назад, смахнуть с них пыль, занести в архив и раздать в школы и университеты.

Ее постоянно отвлекали другие дела. Их было слишком много: работа в музее, заседания клуба молодых археологов, которые она вела раз в неделю, организация выставки брайлевских изданий, работа в приюте, вечерние уроки, которые проходили в Университете Карачи. Гуль непрерывно давила на педаль газа. Такой ритм жизни вполне ее устраивал. Активность помогала не сойти с ума, не думать о Махназ.

Гуль пожала плечами, ощутив на языке медный привкус при мысли об исчезновении Махназ, и заставила себя сосредоточиться на текущих делах. Ей предстояло многое изучить, причем быстро, иначе не получится дать ЗСП Ахтару нужный ответ. Зачем наркобарону связываться с мумиями? Продать такую находку на черном рынке не так-то просто, нужны надежные связи среди торговцев нелегальным антиквариатом. Надо будет связаться с некоторыми сомнительными знакомыми и спросить у них, знают ли они что-либо о человеке по кличке Сая. А также почитать о династии Ахеменидов и установить подлинность тела. Верно ли, что внутренние органы были удалены, как это делалось в Древнем Египте? Или мертвую, как в Папуа – Новой Гвинее, положили в хижину и обкуривали дымом до тех пор, пока органы не распались естественным путем?

Чутье Гуль и краткий осмотр тела подсказывали, что погребальные ритуалы в этом случае скорее напоминали египетские, но до уверенности было пока далеко. Что обнаружит полиция? Трудно сказать, пока не проведут судебно-медицинскую экспертизу. Полиция предоставила слишком мало времени для осмотра. Оставалось надеяться, что утром начальство ЗСП Ахтара даст добро и Гуль позволят перевезти саркофаг с мумией в музей. Придется вызвать машину скорой помощи.

Археолог попыталась мыслить логически. ЗСП Ахтару она сказала, что позаботится о сохранности мумии и предохранит ее от химического и биологического распада. Создание импровизированной бескислородной камеры достаточного размера, чтобы в ней могла поместиться мумия, сама по себе задачка не из легких. Прах каждую минуту потихоньку рассыпается в полицейском участке, долгая поездка тоже не пошла ему на пользу. Надо немедленно позвонить Хамзе. Парень играл в команде Гуль роль мозговитого технаря. Приготовления необходимо начинать, не теряя ни минуты.

Гуль прошла на кухню и, увидев тень, вздрогнула. Схватившись за сердце, она с облегчением выдохнула.

– Миссис Фернандес, как вы меня напугали!

Миссис Фернандес стояла у плиты, на голове у нее был типичный начес 60-х годов, больше напоминавший шлем Дарта Вейдера с кокетливо загнутыми кверху краями, чем настоящую прическу. Много лет назад, задолго до того, как они встретились, миссис Фернандес работала бухгалтером в салоне красоты «Токио». Характерный стиль салона не менялся вот уже шестьдесят лет, вместе с ним не менялся и стиль миссис Фернандес. Сегодня на ней было бежевое летнее платье, зауженное в талии, только подчеркивающее коренастость фигуры. На ногах – старые удобные коричневые туфли. Единственное украшение – крестик на шее; она не снимала его даже в период религиозных столкновений. С самым суровым видом – как всегда! – миссис Фернандес варила на плите гоанское карри с креветками и собиралась ставить на огонь рис.

Да благословят боги Манору Фернандес, мысленно пожелала Гуль. Не женщина, а клад, всегда о ней заботится. Где бы миссис Фернандес ни появлялась, влетала в помещение как сгусток неистовой, деятельной энергии, нередко с ручкой за ухом и, как правило, с толстым блокнотом в руках. Она верила в эволюцию, но не верила в необходимость что-то менять.

– Ох, здорово! Я с голоду умираю, – воскликнула Гуль, протягивая к карри ложку.

Миссис Фернандес шлепнула ее по запястью деревянной лопаткой.

– Подождите, пока сварится. Какая вы нетерпеливая!

Гуль прислонилась к стене кухни.

– Я весь день провела на ногах, миссис Эф.

Манора Фернандес повернулась к ней, не выпуская лопатку. Поджала губы.

– А кто виноват? Кто вас просил ни с того ни с сего ехать в Белуджистан? Талибы буквально на прошлой неделе взорвали полицейский участок недалеко от Кветты.

– Я от Кветты была за тридевять земель, миссис Эф. В полной глухомани.

– Еще хуже. Если бы там на вас напали, кто бы вас защитил?

Когда они встретились много лет назад, Гуль показалось, что у Маноры Фернандес не все дома – она любила поучать каждого встречного. Теперь археолог воспринимала ее придирки как проявление любви.

– Все в порядке, миссис Эф. Я не зря съездила, находка действительно обалденная. Дайте мне сначала поесть, а потом уж учите уму-разуму.

Гуль открыла холодильник и достала банку кока-колы.

– Вы потребляете слишком много сахара и пьете слишком мало воды, – пробурчала женщина, прищурив глаза.

Гуль пропустила реплику мимо ушей.

– Сначала посуду помою, потом поболтаем.

Надо отдать миссис Эф должное – она держалась, пока обе не сели за стол. Стоило Гуль покончить с едой, как миссис Фернандес опять принялась за свое.

– Глупый полисмен поднял вас ни свет ни заря, напугал. А вы так и не рассказали, что вы там нашли.

– Тело.

– Тело?

– Мумию.

Миссис Фернандес поджала губы.

– Что вы имеете в виду, Чарли?

Она всех называла Чарли[5]. Об этой привычке Гуль узнала во время первой же встречи.

– Мумию. Древнюю законсервированную мумию. Полиция гонялась за наркоторговцем, а вместо него обнаружила мумию.

Она рассказала все, что узнала за день.

Миссис Фернандес покачала головой.

– Это пахнет неприятностями. Лучше отдайте дело кому-то другому.

– Не смешите меня.

– Я серьезно, Гуль. Временами вы слишком увлекаетесь. Будьте осторожнее, иначе не миновать разочарований. Вы же знаете, что с вами может случиться.

Возвращение домой отняло много времени. Они попали в час пик, и теперь Гуль чувствовала себя измотанной от жары, выхлопных газов и дневных переживаний. Лицо раскраснелось, на шее выступил пот. Иногда миссис Фернандес перегибала палку. Гуль прекрасно знала, что с ней могло случиться и однажды уже случилось.

---

[5] Позывной Чарли используется в англоязычных странах при радиообмене как «заполнитель», когда точный позывной адресата неизвестен.

– Это было всего лишь острое стрессовое расстройство, миссис Фернандес, не более.

– Нервный срыв, каким бы вежливым термином его ни называли, это нервный срыв.

– Три года уже прошло. И это случилось из-за Махназ. Сейчас я в полном порядке.

– Вы только-только перестали принимать лекарства.

– Уже несколько месяцев. К тому же таблетки были мне не нужны с самого начала.

– Гуль, заботиться о вас – моя работа. Я вам не враг.

– Да, но и не мать.

Манора Фернандес закусила губу. Гуль сморщилась. Она проявила излишнюю резкость. Они обе знали, кем миссис Фернандес была для нее последние годы.

– Если мумия окажется настоящей и стоит целое состояние, завтра о ней узнает весь Карачи, – заявила миссис Эф. – Вмешаются госорганы. Вас отодвинут в сторону.

– Меня не могут отодвинуть в сторону. Я единственный специалист по технике мумификации. Разве директор Раджа хоть раз пробовал использовать древние способы обезвоживания мертвого тела? Он понятия не имеет, как правильно применять натрон или битум, как извлекать внутренние органы или предохранять мозг покойного от разложения. Удаление жизненно важных органов – сложный процесс. Не говоря уже о клизмах для растворения содержимого кишечника и фекалий у животных. Вы можете представить себе ситуацию, в которой директор Раджа или какой-нибудь чиновник стал бы до такой степени пачкать свои ручки?

Лицо миссис Фернандес исказило беспокойство.

– Этот наркоторговец может начать вас преследовать. Полиция тоже так считает.

– Меня-то с какой стати? Они явно не хотели расставаться с мумией, поэтому важно побольше о ней узнать. Может быть, мы накроем банду спекулянтов антиквариатом на черном рынке. Представляете? Кроме того, находку охраняет полиция.

– И все-таки…

– Возможно, это самое важное событие за всю мою карьеру, миссис Эф. Персидская женщина, которую почему-то мумифицировали? Представьте себе, что правители Персеполя действительно переняли египетскую методику мумификации, а мы представим доказательство. Более восхитительное открытие трудно вообразить!

Миссис Эф снова нахмурилась и встала из-за стола, убирая тарелки.

– Я сама, – сказала Гуль, тоже поднимаясь. Ее все еще преследовало чувство вины за неудачные слова насчет матери.

– Нет-нет, я помою, – ответила миссис Фернандес и направилась на кухню.

Гуль опустилась на стул. Миссис Эф всего лишь переживала за нее, ничего страшного. Гуль уже забыла, как справлялась в одиночку до появления в ее жизни Маноры Фернандес. Тринадцать лет назад Гуль работала в департаменте археологии, состоя на государственной службе. К удивлению многих старожилов, она продержалась на службе весь первый год. До того, как ее приняли на работу, в департаменте существовало твердое правило: женщинам не позволено занимать никакие должности, кроме канцелярских.

Это правило верой и правдой служило сотрудникам-мужчинам дольше пятидесяти лет. Именно по этой, или отчасти по этой, причине Гуль сначала поступила в Кембридж, затем уехала в Каир и начала изучать египтологию, а не заниматься археологическими раскопками в своей стране. К моменту смерти ее отца был принят новый закон, поддерживающий права женщин на рабочем месте, обеспечивающий их защиту от харассмента и подавляющий дискриминационные практики приема на работу. Департаменту пришлось всерьез рассматривать ее как кандидата на должность заместителя директора либо вразумительно обосновать отказ. Гуль решила, что это знак судьбы. Ей хотелось вернуться в Пакистан, чтобы, несмотря на сопротивление Билала, проводить больше времени с Махназ и исследовать развалины не только в Египте, но и в дельте Инда.

Гуль умела читать и писать на четырех древних языках, накопила богатый опыт полевых работ. Вдобавок к научным званиям, полученным в Кембридже, она защитила докторскую диссертацию в Американском университете Каира. Поступив на работу в департамент в двадцать восемь лет, она имела больше опыта, чем большинство сотрудников-мужчин, пусть даже этот опыт в основном был связан с Египтом. Департаменту не хватило отговорок, чтобы принять на работу менее квалифицированного кандидата-мужчину, и Гуль вернулась на родину, чтобы занять новую должность.

Однако это не помешало ее новым коллегам делать все, чтобы подстегнуть ее уйти «по собственному желанию». Ее не допустили к полевым работам, посадив в кабинет, находившийся в кладовой. Хранилище принадлежало отделу исследований и раскопок, однако на самом деле было не более чем сырым темным закутком, набитым скелетами и никому не нужными древностями. Коллеги рассчитывали, что Гуль откажется от археологии – кому охота целыми днями составлять списки осколков костей, не имея никаких шансов на повышение? Они недооценили степень ее упертости.

Первым делом Гуль раздала листовки в Университете Карачи, где преподавала историю древних цивилизаций. В университете не было отдельного курса археологии, и Гуль решила, что некоторые из студентов наверняка хотели бы ее изучать. Правила департамента не запрещали нанимать стажеров, если им не требовалось платить.

Этот маневр дал блестящий результат. На призыв в листовках откликнулись семь человек. Пятеро сбежали, поняв, насколько нудной обещает быть работа, двое из любопытства остались. Хамза и Рана уже тогда были непохожи на других. «Белые вороны» с блестящими мозгами, нестандартно мыслящие люди, не находящие себе места в будущей жизни. Студенты-историки, молодые люди с богатым воображением, желающие изучать археологию, но не сумевшие найти подходящий курс. Оба происходили из небогатых семей. Обычно такие выпускники пополняли армию начинающих бухгалтеров, юристов и банковских служащих, а в случае с Раной – армию сотрудниц, работавших, пока не выскочат замуж. Обоим хотелось большего. Гуль это чувство было прекрасно знакомо, и они вместе принялись за работу. Рана и Хамза быстро соображали, но были еще зелены. Когда они поступили к ней стажерами, Гуль начала обучать их базовым навыкам классификации и анализа. Почти все остальное время они проводили, очищая артефакты, которые она потом сортировала.

Гуль стремилась сделать работу увлекательной и, видя живой интерес своей молодой команды к подлинной археологии, всегда, когда представлялась такая возможность, брала их с собой на раскопки. Она подготовила учебные модули, которые Рана и Хамза могли проходить в свободное время, сама вела преподавание и организовала доступ к онлайн-курсам через друзей в зарубежных университетах, чтобы стажеры могли получить дополнительную квалификацию параллельно своим дипломам в Карачи.

Базой для всего этого служила пыльная кладовка. Вместе они самостоятельно изучили все, что требовалось знать о человеческих костях и большинстве костей животных – от их типов до строения и функций. Вместе со стажерами Гуль вытирала пыль, счищала грязь и классифицировала предметы. В конце дня она выходила, щурясь от света, из темного чулана, бродила по зданию, читала архивные материалы, рассматривала экспонаты, которые привезли сюда транзитом или готовили к выставкам, сидела над множеством забытых книг. Потом шла домой, на несколько часов проваливалась в сон и в пять утра начинала все сначала. Коллеги-мужчины рассчитывали, что классификация костей даст ей занятие на несколько лет вперед, но она поставила перед собой цель закончить намного раньше. По сути, благодаря работе по выходным и помощи стажеров она ее почти выполнила. После этого Гуль просто не могли не поручить более ответственную работу.

По истечении восьми месяцев изнурительного труда Гуль решила устроить стажерам передышку и подала письменную заявку на поездку в крепость Раникот. Пусть посмотрят на

восход солнца, увидят редкостное чудо. Раникот – крупнейшая в мире крепость протяженностью почти двадцать пять километров, ее мощные бастионы достигали девяти метров в высоту. На предвзятый взгляд Гуль, крепостной вал мог потягаться с Великой Китайской стеной. К тому же происхождение крепости оставалось загадкой, что придавало ее изучению особую изюминку.

Гуль заполнила формуляры, которыми коллеги-мужчины пользовались при подаче заявок на полевые работы, запросив освобождение на один день, разрешение на пользование фургоном музея и деньги на оплату бензина. Она ждала целую неделю, но директор Хамид Каяни так и не ответил. Гуль снова заполнила формуляры. На этот раз она отправилась в приемную директора собственной персоной, чтобы лично вручить заявку, полная решимости не уходить, пока не получит желаемое.

И… налетела на непреодолимую преграду. В приемной директора сидел дракон с пышной прической, стучавший пальцами по клавиатуре старого «Мака». Секретарша даже не взглянула на нее.

– Что вам нужно, Чарли?

Гуль прочистила горло.

– Мне нужно, чтобы директор утвердил поездку. Пропустите, пожалуйста.

Хотя женщина сидела прямо перед видавшим виды вентилятором, ее прическа сохраняла идеальную форму. Непостижимо!

Миссис Фернандес подняла взгляд и несколько мгновений молчала. Затем указала на лоток для входящей документации.

– Здесь оставьте.

И продолжила печатать.

– Я раньше уже пыталась оставлять. Больше не буду. Директор свободен? Я иду к нему.

Гуль остановилась, наткнувшись на неумолимый взгляд миссис Фернандес, как на стену. Стук пальцев по клавиатуре прекратился. Манора Фернандес с расстановкой произнесла:

– Я же сказала: оставьте заявку здесь. Я позабочусь, чтобы он ее подписал.

Гуль пришла в бешенство.

– Я не собираюсь просто…

– Вы оставите ее здесь, если намерены добиться результата, Чарли. Я обещаю: он ее подпишет.

По какой-то необъяснимой причине Гуль, которая однажды, изучая гробницу в Долине Царей, увидела разъяренную кобру и, небрежно стукнув змею по голове тростью, продолжила свою работу, отступила.

На следующий день заявка была подписана. Гуль немедленно позвонила миссис Фернандес.

– Я хочу поблагодарить вас.

– За что?

– За помощь с формулярами.

– Я понятия не имею, о чем вы, Чарли. Извините, меня ждет работа.

И повесила трубку.

Гуль несколько месяцев больше не имела никаких дел с миссис Эф. Однажды утром археолог обнаружила, что хранилище перевернуто вверх дном. Сотни костей были разбросаны по полу – берцовая здесь, теменная там. В комнату невозможно было войти, ничего не раздавив, все бирки сорваны, полки опрокинуты.

Уроды! Мадарчоды![6] По мере того как разгорался гнев, Гуль вдруг вспомнила, сколько раз мать тихо хвалила ее за отличные оценки и тут же просила не слишком усердствовать,

[6] Грубейшее ругательство на языке урду, прямой эквивалент английского motherfucker.

чтобы у Билала с его посредственными результатами не развился комплекс неполноценности. Почему мужчины так часто чувствуют угрозу со стороны женщин, умеющих пользоваться своими мозгами?

В то утро она почти сдалась. Пошли прахом плоды годового труда. Происшествие, разумеется, никто не стал бы расследовать, и в злонамеренном уничтожении музейного имущества и бесценных артефактов никого не обвинили бы. Что толку продолжать? В этом учреждении не терпели женщин.

Стажеры были потрясены актом саботажа, хотя и старались не подавать вида. Они задержались до вечера, разбирая, что можно было спасти. Решив остаться на работе до утра, Гуль вдруг услышала, как распахнулась дверь хранилища.

Из тени выступила фигура Маноры Фернандес.

– Поторопитесь, Чарли. Мы никогда не закончим, если вы будете продолжать в таком же темпе.

За спиной Маноры стояли несколько женщин из секретариата.

Устранение последствий погрома отняло несколько месяцев, однако с того дня миссис Фернандес всегда была рядом и служила постоянной опорой. А когда Гуль, распираемая гордостью, пришла на выпускную церемонию стажеров вместе с их семьями, рядом с ней сидела все та же миссис Фернандес.

После перехода в Музей истории и культурного наследия под начало более уступчивого директора Рахима Раджи Гуль настояла, чтобы бывших стажеров приняли на полную ставку. Она была в восторге, когда Рана и Хамза согласились присоединиться к ней, не испугавшись длинных рабочих дней и мизерной зарплаты. Вместе с ними перешла Манора Фернандес.

За первые годы Гуль многое узнала об этой женщине, ее причудах и особенностях. Миссис Эф любила формальности. Она не находила себе места, пока не составит какой-нибудь подробный список. Не выносила суеты и излишеств, но тайно обожала миндальное печенье и всегда держала в машине банку, чтобы погрызть его в дороге. При всей своей доброте часто бывала колючей и не любила откровенничать. Миссис Эф отличало сильно развитое чувство справедливости. Помогать Гуль, которая на тот момент была для нее совершенной незнакомкой, она пришла, ведомая возмущением, вызванным намерением группы мужчин затравить женщину.

Миссис Фернандес постоянно чувствовала себя измотанной, хотя внешне этого не показывала. Она воспитывала маленького внука Фрэнсиса, чьи родители погибли в автомобильной катастрофе. В свободное время возилась с беспризорными детьми в приюте, когда-то основанном мистером Фернандесом, диаконом церкви Св. Андрея. Миссис Эф с внуком можно было застать в приюте почти каждый день, где она занималась готовкой, уборкой или кормежкой.

Когда они подружились, Гуль тоже стала ходить в приют. Фрэнсис был очаровательным ребенком, любившим открытые пространства. Гуль ощущала умиротворение, когда проводила с ним время, помогала делать домашние задания и подсовывала ему, пока не видит бабушка, шоколадки. Работа в приюте для обездоленных и пропащих беспризорных детей Карачи, учитывая хаос в личной жизни Гуль, была бальзамом для ее души. Родители умерли, с братом Билалом и его женой Санией у нее не было близких отношений, вдобавок они пытались убедить Махназ меньше времени проводить в компании Гуль. Она встречалась с ними только во время редких семейных торжеств, которыми не могла пренебречь, – на свадьбах, днях рождения и обедах по случаю праздника Ид. На то, чтобы наладить отношения с племянницей, ушло несколько лет.

Когда Махназ пропала – вскоре после того, как Би-лал и Сания наконец смягчились и приняли Гуль в свою жизнь, – потеря на всех легла непосильным бременем. От Махназ остался только ранец, найденный у ворот монастырской школы. Телефон девочки лежал в переднем кармане ранца, молнию так и не открыли. Первую томительную ночь с Гуль провели именно

миссис Фернандес и Фрэнсис. Когда часы превратились в дни, дни – в недели, а недели – в месяцы, когда разум и тело Гуль замкнулись в себе и погрузились в депрессию, о ней заботилась миссис Эф – по обыкновению въедливая и колючая, но всегда готовая прийти на помощь: приносила чай, убирала старые подносы с нетронутой едой и заменяла их новыми, к которым Гуль тоже не притрагивалась. Манора не давила, ничего не требовала, но ни на день не покидала свою подопечную.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.